ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРОФСОЮЗОВ

la libération Syndicale

ОРГАН КОЛЛЕКТИВА РУССКИХ РАБОЧИХ АНАРХИСТОВ И АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ В ПАРИЖЕ

НОЯБРЬ 1928
№ 1

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
Mr BETTENDROFER, 7, rue Oberkampf, Paris XIe

Цена 50 с.

RUB
Inst. z. Erforsch.
europ. Arbeiterbew.
SZR 579

НАША ЦЕЛЬ

По мере того, как новый строй в России застывает в прочных и определенных формах, положение русского рабочего все яснее вырисовывается, как состояние порабощенного наемника, обогащающего господствующий класс умственных работников. Страдания и нужда, в которых проходит жизнь русского пролетариата, легко использовываются как внутри России, так и заграницей реакционными партиями и социалистами. Первые кивают на западно-европейские страны и на Америку, ложно освещая условия жизни тамошних наемных тружеников, обманно преувеличивая положительные стороны их существования. Социалисты же, с своей стороны, опираясь на действительно огромные трудности, с которыми столкнулось бы строительство подлинно-пролетарского общества, призывают вернуться на испытанный путь капиталистического развития, оставляя великодушно пролетариату все «возможности», заключенные в парламентской демократии.

Как русский так и западный рабочий могут на прошлом опыте керенщины и на теперешних условиях заводской европейской и американской жизни, по достоинству оценить лицемерие реакционных и социалистических политиков. Чтобы найти дорогу к рабочему строю, противоположенному точно так же капитализму, как и большевистской диктатуре интеллигенции, наша группа обращает сейчас свои надежды на органы, вырастающие на почве рабочей самодеятельности: на профессиональные союзы.

Насильно навязав им строго централизованное построение, соединив механику фракционной коммунистической деятельности с арестами и высылками по ордерам ГПУ, русское правительство сковало по рукам и ногам профсоюзы. Однако, массовые экономические организации крайне живучи. Классовая борьба в России между огромным Хозяином - Государством, иностранными концессионерами и мелкими предпринимателями с одной стороны, и русскими мастеровыми, с другой — неизбежно всколыхнет прирученные профсоюзы; необходимость защищать хоть самый скромный уровень жизни, чтобы просто продолжать существовать, толкнет их через влияние рабочих масс на разрыв с своими чиновниками, отдавшими их на произвол трестов. Лишенные возможности проверять управление производством, рабочие должны будут через профсоюзы требовать отчета в каждой копейке, оттянутой у пролетариата с его заработка, с его жилища, с его школ, с его здоровья. И окрепши в этой повседневной борьбе, профсоюзы, для того чтобы завоевания, достигнутые ими, не могли быть, в любое мгновение уничтожены, самым ходом событий будут поставлены перед вопросом о принятии в свои руки общественной жизни во всей ее полноте. Но стать на этот путь рабочие могут только сперва **освободив профсоюзы от гнета правительственной коммунистической партии, отделив их от государства, перенеся решение насущных задач рабочей жизни из отдаленного центра в самую гущу низовых организаций.**

Как достигнуть этого?

Попытки основать новые самостоятельные профсоюзы не только натолкнулись бы на бешеное преследование ГПУ, но и могли бы привести к замкнутости, к отрыву от масс. Гораздо удобнее, оставаясь внутри оффициальных профсоюзов, образовывать подпольные **группы меньшинств:** таким образом, все сторонники классового рабочего сопротивления знакомились бы между собой, сговаривались для совместных выступлений, определяли бы возможность перейти от первоначальной, искусно прикрытой легальностью работы **осведомления и разложения коммунистической партии** на всех ступенях профсоюзных учреждений к открытой и планомерной **стачечной борьбе.**

Чтобы жить, группы профсоюзных меньшинств должны иметь возможность высказываться, обмениваться своим опытом. Они должны будут обращаться с своими выводами, с своими призывами не только к рабочим, обманутым коммунистической партией, но главным образом, к пролетариям, уставшим от долголетней гражданской войны, разочаровавшимся во всякой борьбе, после предательства большевиков, и опустившимся в тину безразличия и уныния.

На первых порах этим вольным рабочим словом, этой связью рабочего сопротивления и будет орган нашего коллектива: **Освобождение Профсоюзов.**

**

Гнет теперешнего русского строя давит не только рабочих этой страны. Русское правительство опирается на сочувствие, которое оно пытается (и часто с успехом) вызвать у рабочих всего света. Чтобы угрожать другим правительствам, оно вызывает, где может при разных обстоятельствах рабочих Европы и Америки на выгодные себе выступления; оно достигает этой цели, подчиняя фактически профсоюзы, коммунистическим партиям, выполняющим приказы московского центра.

Таким образом, стачки, демонстрации, борьба с войной ведутся не исходя из целесообразности в данный момент экономического наступления, точного учета своих сил в случае уличной схватки, подлинной опасности вооруженной стычки империалистов; нет, окончательным мерилом является выгода или невыгода данного положения для русских правителей.

Наша группа стремится разоблачить их истинную классовую суть. Заграницей мы будем точно и подробно вскрывать все то, что характерно для теперешнего строя в России. Главным образом эта деятельность будет проводиться на страницах нашего бюллетеня на французском языке: Ля Либератион Синдикаль. Но наряду с этим, мы надеемся выпустить в свет отдельные исследования, организовывать собрания, представлять на профсоюзные с'езды доклады, посвященные условиям жизни русских рабочих.

Мы будем также опубликовывать все факты стачечной борьбы в России. Мешая диктаторам правящим интеллигентам, заглушить первые ростки рабочего сопротивления, мы хотим не только прорвать окружающий нас заговор молчания, но также передать борющимся на заводах и шахтах в России материальную и нравственную поддержку заграничных рабочих.

Коллектив наш имеет в своем составе анархо-синдикалистов, расчитывающих исключительно на профсоюзы для ведения освободительной борьбы пролетариата. Но в него входят также и анархо-коммунисты, сторонники необходимости существования параллельно с экономическими рабочими организациями и политических анархических организаций.

Мы спаяны признанием необходимости уничтожить гнет государства над русскими профсоюзами, которые, путем подчинения их правительственной коммунинистической партии, тем самым были подчинены и государству.

***

Как нам помочь?

Прежде всего деньгами. Намечаемая нами работа требует огромных затрат, совершенно непосильных для горсти людей, живущих на свой заработок. Лишь массовая поддержка рабочих грошей может дать нам материальную основу, опираясь на которую, напрягая все свои силы, мы сможем кое-что сделать.

Товарищи из России! От вас мы ждем прежде всего сведений о вашей жизни. Шлите нам все ценное, что можно выбрать из подцензурной печати, но главным образом, пишите нам сами о ваших буднях, о расценах, о заработках, о выборах в завкомы, о с'ездах и, главным образом, о вашей борьбе: о стачках, о классовых битвах.

Товарищи из Европы и Америки! Всюду, где наши знания, наш опыт, наши сведения, могут быть вам полезны, чтобы осветить русский вопрос, борясь против противников капиталистических и коммунистических, наш коллектив всегда готов.

За работу! Через освобождение профсоюзов от государства, через их независимость от политических партий, к борьбе профсоюзов против частного и государственного капитализма, к завоеванию профсоюзами всех областей общественной жизни!

За коллектив русских рабочих анархистов и анархо-синдикалистов

«Освобождение профсоюзов»

Секретарь Н. Лазаревич.

К XI-ой годовщине октябрьской революции

На помощь русскому пролетаріату!

Не раз рабочим Западной Европы и Америки, преследуемым и порабощенным капитализмом, приходилось и придется еще протянуть свою руку товарищам из стран острой реакции. Протестуя против Муссолини, Примо-де-Ривера и Пилсудского, пролетарий твердо и ясно сознавал, что он выполняет этим действием лишь свой рабочий долг, откликаясь на призыв своих братьев; их поражение было бы его поражением; потеря последних возможностей существования рабочего движения в одной стране неизбежно отзывалась на других. Но сколько из нас до последнего времени верили, что есть наконец на земле угол, где рабочий сам определяет свое положение; много рабочих до сих пор думают о России, как о «рабочем государстве».

И все же год тому назад сквозь казенный предпраздничный восторг дошло даже до самых преданных защитников русского строя в рабочих рядах известие о заточении и ссылке когда то наиболее ярких представителей русского коммунизма. Об'явление известного в пролетарской среде Льва Троцкого и его сподвижников врагом русского правительства заставило многих призадуматься; невольно мысль обратилась к давно выдвинутым анархистами обвинениям в великом обмане, совершенном в России бывшими революционерами, коммунистами.

С праздничной годовщины, ознаменовавшейся этой расправой, прошел год, который должен был быть годом «деловой работы»; будители пролетарского сознания анархисты остались и после юбилея за крепкими стенами тюрьмы; к ним в камеры вошли новые пришельцы, еще вчера верившие в пролетарскую сущность нынешнего порядка, а ныне вынужденные признать его поворот к новому гнету.

Ничто казалось бы не мешало победителям [illegible] по всей стране. Большевикам пришлось открыть клапан самокритики. Не будучи более в силах сдерживать злобу донбассовских рабочих, они попытались перенести ответственность на группу белых спецов. Но, показавши край правды, оказалось трудным загнать ее сейчас же обратно за решетку: за Шахтинским процессом потянулись Смоленские, Сочинские, Челябинские дела. Развратники из трестов чередовались с потворствовавшими им судебными работниками и милиционерами; они обнимались с друзьями из профсоюзов и партии, бросавшими им на поддержку свое звание рабочих организаторов; и опровергая сладостные речи иностранных делегатов, только что приехавших из русских промышленных областей, вдруг вырезалась жуткая голая истина: затопленные шахты, вшивые бараки, искалеченные рабочие в голодных и холодных больницах, работницы, покупающие свое право на труд, продавая себя на утеху полноправным мастерам, развалившиеся школы, и над всем этим веселые лики Бухарина, Сталина и Рыкова, сегодня совместно заливающих русский пролетариат сорокаградусным Госспиртом, а завтра готовых перегрызть друг другу горло лишь бы сохранить за собой власть.

Реакция потирает руки. Социалисты мечтают потянуть за собой русское рабочее движение, начинающее глухо бурлить в низах.

Неужели русский пролетариат повернет вспять и пойдет по старым избитым путям. Неужели он внемлет голосам черной сотни, пользующейся предателями международного рабочего класса, чтобы на своих же братьях другого племени излить свою злобу и страданья. Неужели он впряжется в ярмо нового капитализма, послушав речи социал-демократии о несвоевременности Октября?

Еще не поздно; то здесь, то там в России, порой стихийно, порой организованно завязываются первые [illegible] рабочего сопротивления. Вне всех политических партий, защищая свое скудное существование, русский рабочий пытается подняться. Его прошлое позволяет нам надеяться, что выпрямившись во весь рост, он покажет миру новые пути истинно рабочего строительства.

Наш долг, наша непосредственная задача ему помочь.

Всюду, в мастерской, на улице, в трамвае, на собраниях, всюду где льется ложь коммуниста, воспевающего прелесть русского рая, рабочий должен противопоставить истину. Спокойно, хладнокровно, на основании точных данных, которыми полна даже казенная печать, можно разбить легенду о самоуправлении пролетариата в России; но этого не достаточно. Подпольное рабочее анархическое движение нуждается там в опоре; поможем ему всем чем можем: нашими скудными грошами, нашими знаниями, нашими усилиями, чтобы поддержать русские анархические органы; нашим личным, непосредственным участием в подпольной борьбе против Государства - Хозяина. Рабочая молодежь не раз отдавала своих лучших людей в борьбе против царской, польской, литовской, румынской реакции; борьба продолжается на другом фронте; когда разорвется фальшивая оболочка, прикрывающая под лоском революционеров новую деспотическую диктатуру интеллигенции, рабочие повсюду сомкнутся, чтобы взорвать ее и помешать реакции и социалистам занять ее место.

Если к 11-ой годовщине Октября новые хозяева России ознаменовали эту годовщину, подписав с милитаристами Запада договор доллариста Келлога, то мировой пролетариат вспомнит Октябрьские дни, чтобы в свою очередь заключить нерушимый договор, договор борьбы сообща со своими русскими братьями.

Против своих общих классовых врагов!
Против гнета интеллигенции и буржуазии!
За свободные боевые профсоюзы!
За захват ими заводов и фабрик!
За профсоюзный строй!

Самокритика и рабочий класс

Вот уже несколько месяцев, как ведется в СССР очередная кампания, на сей раз за самокритику.

Кампания эта, помимо желания ее авторов, затронула самые глубинные вопросы современной русской действительности — вопрос о профсоюзной и партийной демократии, которые, как мы постараемся доказать ниже, несовместимы с диктатурой вырождающейся партийной клики над пролетариатом.

К моменту, когда мы публикуем эту статью, кампания за самокритику уже успела выявить свою настоящую сущность и оправдать данный нами анализ.

Но вопрос остается актуальным покуда не будет поколеблено нынешнее бесправие русского пролетариата.

*

В стране, где всеми средствами заглушается голос рабочего, где всякая печать, кроме оффициальной, изгоняется огнем и мечом, там, где критикующий об'является «врагом народа» — в этой же стране 3-6-28 г. издается манифест ко всем рабочим за подписью Центрального комитета ВКПб, в котором партия призывает рабочих **к жестокой самокритике для того, чтобы эту самокритику сделать рычагом борьбы за действительное исправление всего аппарата».** Далее, этот манифест говорит: «Лозунг самокритики, не взирая на лица, критики сверху до низу и снизу до верху, есть один из центральных лозунгов дня. И — **«потому только последовательно проведенная внутрипартийная и профсоюзная демократия** создаст постоянный контроль масс», так как вне этих мероприятий лозунг критики и самокритики превратится в бумажную отписку (см. Труд от 3-6).

Та партия, которая совсем недавно каленым железом вытравляла из рядов своих лучших ее членов, требовавших партийной демократии, партия, которая на последнем конгрессе Профинтерна устами своего ставленника на профсоюзном поприще Лозовского об'явила, что отличительный характер русских профсоюзов состоит в том, что они подчинены партии, — эта партия вдруг сама взывает к внутрипартийной и внутрисоюзной демократии.

Что это? Небывалая в мире революция, которая совершилась самими господами положения против них же самих или здесь нечто другое?

Мы знаем, что в истории не было еще случаев самоухода от власти со стороны династии, клики или класса. Но наоборот, есть примеры, когда стоящие у власти желали обходным путем взять подчиненных, т. е. вместо того, чтоб ждать неизбежного возмущения со стороны последних, они сами давали видимость свободы и уже, конечно, определяли дозы последней.

Итак, что все таки представляет собой эта знаменитая кампания за самокритику? Неужели партия (вернее ЦК) на самом деле решила сама дать внутрипартийную и внутрисоюзную демократию, удержав за собой таким способом известные позиции? Мы думаем, что не это имела своей целью партия, публикуя названный манифест; в дальнейшем мы постараемся доказать, почему это для нее невозможно, поскольку она не хочет уступить своих позиций диктаторствующей партии. На самом деле целью этой кампании было примерно то, что явилось целью шахтинского процесса, т. е. желание отвлечь внимание пролетариата от истинных первоисточников зла, от диктатуры партийной клики над пролетаратом. Ибо как невозможны были бы шахтинские вредительства при массовом рабочем контроле*), так же невозможны были бы «бюрократизм, чиноничья угодливость, самодурство, забвение интересов масс" (см. манифест), против которых массы теперь призываются критиковать. И точно также, как после раскрытия шахтинских вредителей, русское правительство, вместо того, чтобы раскрыть двери пролетариату к руководству и контролю над производством, вместо этих радикальных мер, провела «показательный» процесс и, расстреляв 5 инженеров, дальше оставила дело по старому, — точно такой же трюк она повидимому собирается выкинуть с кампанией за самокритику.

Русский пролетариат не впервые видит подобные кампании и проявляет к ним соответствующее отношение. Опасаясь этого, передовая «Правды» от 16-6-28 г. пишет: нельзя себе представить курс партии на развитие самокритики, как какую то временную «кампанию». Развитие самокритики есть длительный органический процесс». Но дав такое определение самокритики, автор передовой спешит оговориться: «Рабочий класс СССР прекрасно отличает деловую творческую пролетарскую критику от «критики», идущей со стороны классового врага». Последняя оговорка есть ахиллесова пята кампании, ибо определять, кто является классовым врагом, будет та же бюрократия, против которой критика и будет направлена.

Рассмотрим почему, по нашему, призыв партии к самокритике ни в коем случае не имел целью

---

*) Об этом впоследствии говорил известный оппозиционер Слепков в «Правде» от 17-6-28 г.: «Такие дела, как шахтинское, могут иметь место только в условиях ослабления контроля масс, в условиях отсутствия партийной и пролетарской самокритики».

с ее стороны действительно расширить рабочий контроль и ввести партийную и союзную демократию.

Нынешние вожди ВКП и, следовательно, и русского профдвижения, прекрасно понимают, что бросая лозунг самокритики, они играют с огнем. Они знают, что русский пролетариат может выйти за установленные ими рамки самокритики и направить свое прямое действие против основного зла режима, против государственного закрепощения профсоюзов. Даже «прирученный» и достаточно выдрессированный «Труд» пишет в передовой от 9-6-28 г.: «Некоторые профработники считают, что вскрытые в Артемовске, Смоленске и других местах безобразия произошли лишь изъ-за **плохого подбора людей.** Это далеко не так. Суб'ективно отдельные из артемовских и смоленских профработников были вовсе не плохими рабочими и революционерами. Но **неправильно применяемые ими методы работы, без должного массового контроля,** дали им возможность оторваться от масс, разложиться, обюрократиться».

Почуяв подобный подход к вещам, вожди повернули назад. Так, Томский, в речи, произнесенной на собрании учеников Высшей профсоюзной школы, говорит: «Нынешний период самокритики страдает одним существенным недостатком: все мы чрезвычайно увлекаемся разоблачениями всякого рода безобразий, уродливых явлений, совершенно упуская из поля зрения все то, за чем скрывается величайший героизм рабочего класса...» И дальше там же он говорит: «В связи с развернутой самокритикой, некоторые поднимают вопрос о «свободной» критике вообще...» (см. «Труд» 20-6-28 г.). И уже въ унисон мнению профсоюзного вождя передовая «Труда» от 29-6-28 г. пишет: «... надо иметь в виду, что речь идет о самокритике внутри рабочего класса, о **своей** критике. А потому критика должна быть, как правильно сказал т. Томский, **товарищеской».**

Но не взирая на цели и подвохи партии и русского правительства, — **что такое самокритика для русского пролетариата при настоящем режиме, в какой мере может она быть осуществлена и что может она принести рабочему классу?**

Чтобы ответить на этот самый существенный и важный для нас вопрос, мы должны еще раз взглянуть на природу нынешнего русского режима. Большой ошибкой является подход к социально - политическим вопросам с известным, выработанным заранее шаблоном. Так, принято теперь считать всякое реакционное правительство фашистским, совершенно упуская из виду специфические особенности фашизма. Тот же шаблон принят и для характеристики русского режима — его определяют как диктатуру компартии.

Мы приведем здесь несколько конкретных случаев из жизни **рабочих** партийцев, которые укажут, что их ни в коем случае нельзя считать соучастниками власти и диктатуры. Так, в «Раб. Газ.» от 23-6-28 г., в статье под заглавием: «Что слышно за фабричной стеной», говорится: «А отдельные коммунисты, видят ли они недостатки и безобразия? Видят и молчат. **Партиец** Сидоров говорит: — Говорить против руководителей я не буду, — боюсь, снимут **с работы».** А вот другой случай, описанный в том же номере «Р. Г.»: «На недавних выборах завкома, когда рабочие вздумали покритиковать предзавкома за его работу, Ткачев (директор завода), выступает в роли своеобразного защитника: — Рабочим слова по докладу давать не следует. — Рабочие после слов Ткачева, немедленно разошлись. И вот рабкор Яковенко написал об этом в газете и за то уже два месяца сидит без работы. Он телеграфно обращается в МКХ. Последний предписывает дир. Ткачеву принять Яковенко обратно на работу. Ткачев отказывается. На месте дело расследовала специальная комиссия, которая признала, что: **директор уволил Яковенко за разоблачительные заметки.** Последняя телеграмма об Яковенко говорит: «Результатов нет. Голодаю». А директор Ткачев по прежнему хозяйничает.

А вот еще характерный случай, описанный в «Раб. Газ.» от 13-6-28 г.: «Недавно несколько работниц минской обувной фабрики подняли перед партийной ячейкой завода вопрос о возмутительном отношении к ним заместителя директора фабрики Фурмана, пытавшегося их изнасиловать. Октябрьский район коммунистич. партии Белоруссии в Минске предложил уволить этих работниц, как бузотеров, Фурмана же перевести на другую хозяйственную работу».

А «Труд» от 21-6 говорит о партийце рабкоре Матюхине с завода «Красный Эстампажник» им. Марти в Николаеве, который был уволен с работы за то, что в стенгазете раскритиковал мастера Цвифеля.

На том же заводе, кроме Матюхина уволено под видом сокращения из 30 рабкоров — 20. Рабочий корреспондент заканчивает: «рабкоры, которые раньше, не жалея сил, смело вскрывали заводские язвы, теперь разочарованно говорят — против начальства не попрешь...»

Кто же это начальство, против которого рядовой партиец пешка? Это руководители русской промышленности и торговли и государственные, партийные и профсоюзные бюрократы. Это есть социальный слой, который связан едиными экономическими и политическими интересами, у которого к рабочему, пусть и партийному, сложилось отношение, как к об'екту эксплоатации. Правящие же верхи партии, во-первых близки по социальному положению к этому вновь сложившемуся в результате революции слою; а во-вторых, большевистское государство ищет социальный слой, на который она могла бы опереться, и на пути этих исканий щедро раздает привиллегии хозяйственникам и наиболее квалифицированному слою пролетариата. Это явление не ново, оно той же природы, что и стремление американского капитализма привлечь рабочих к участию в прибылях.

В нынешней России правит партийная верхушка именно при поддержке этого вновь образовавшегося пореволюционного класса. Рабочий коммунист, если не считать об'едков с барского стола — некоторых незначительных привиллегий над беспартийными рабочими, — **власти не разделяет.**

Из всего сказанного мы видим всю актуальность классовой борьбы для русскаго пролетариата. Для своей борьбы ему, следовательно, нужно иметь свои подлинные, независимые профсоюзы, которые способны были бы защищать его интересы. Их у него нет, что видно из вышецитированного оффициального заявления Лозовского.

Разве критика может заменить такой колоссальный пробел, как отсутствие классовой организации? Конечно, нет; но самокритика, раскрывая глаза рабочего сперва на язвы, а затем на сущность строя, могла бы косвенно вести в конечном результате к отделению профсоюзов от государства.

Но все это было бы хорошо, если бы в России существовал минимум условий для этой кри-

Нынешнее положение французских профсоюзов

От редакции. Мы намереваемся в каждом номере нашего органа давать краткий очерк, рисующий профсоюзное движение в разных частях света.

Первая из этих статей написана тов. Пьером Бэнаром, видным участником движения среди железнодорожников; сейчас тов. Бэнар работает в Исполкоме Парижского краевого об'единения Всеобщей Конфедерации Труда Синдикалистов Революционеров.

Как и все остальные профсоюзные движения в мире — и в частности в Европе — французские союзы перенесли ряд грозных кризисов, выход из которых по форме и по времени еще не совсем ясно наметился.

Из этого нельзя заключить, что французские революционные синдикалисты, об'единенные во Всеобщую Конфедерацию Труда Синдикалистов Революционеров (В. К. Т. С. Р.) не знают, чего хотят. Наоборот, они очень ясно определили, куда идти; они построили программу требований на немедленное и наиболее отдаленное будущее; в особом заявлении, носящем название Лионской Хартии, они установили очень ясно в 1926 году, каковы их принципы, их способы действия и близкие и отдаленные цели ихнего движения.

К несчастью, они не имеют сейчас достаточно материальной силы, чтобы осуществить свою программу; они вынуждены подчинить свои действия событиям, которые они желают и ожидают, но которые еще не свершились.

Оставив в стороне это важное соображение, можно сказать, что традиция учения до-военного французского синдикализма передана создавшейся в 1926 г. в Лионе В. К. Т. С. Р.

Можно даже добавить, что были сделаны необходимые пополнения, внесены уточнения, вызванные событиями; таким образом, Лион в 1926 г. был верным продолжателем Амьенского с'езда, выработавшего в 1906 г. хартию Всеобщей Конфедерации Труда (В. К. Т.).

До 1913 г. действия В. К. Т. развивались по принципам, указанным в Амьенской Хартии.

В течение этих лет французская В. К. Т. боролась на почве классовой борьбы, прямым действием, совершенно независимо от партий и философских сект. Она с равной силой восставала против Хозяина и Государства. Она не признавала никакой преобразовательной силы за избирательным листком; она никогда не верила в общественную деятельность партий в парламенте.

Точно истолковывая Амьенскую Хартию, она противупоставляла листку избирателя прямое действие; она заменяла восстание, оружие партий, повстанческой и экспроприаторской всеобщей стачкой; против понятия Государства она ставила понятие организации общества профсоюзами; сегодня, говорила она, эти союзы — это **группы сопротивления,** но завтра они будут **группами производства и распределения, основами общественного возрождения.**

Самые видные сторонники теперешнего реформистского об'единения, независимо от того были ли они уже тогда реформистами или они стали таковыми после войны, никогда не смогут доказать, что до мировой бойни французские профсоюзы защищали другое мировоззрение.

Почему же тогда они сошли с этого пути?

На мой взгляд их побудили на это четыре причины:

1. Сама мировая война 1914-1918 гг.

2. Революция Центральной и Восточной Европы, в частности русская революция, изменили характер жизни народов и направление борьбы рабочих.

3. Захват власти во многих странах фашизмом, диктатурой буржуазии, после ряда поражений революционных попыток.

4. Неумение профсоюзных организаций ответить на капиталистическую рационализацию, перестроив свои ряды, «рационализуя» свое движение.

Недостаток места не позволяет мне разобрать здесь каждый вопрос в отдельности. Я могу таким образом рассмотреть их лишь в самых общих чертах.

1. Общеизвестно, что «Священное Единство», проведенное в каждой стране, во время войны, под покровительством правителей, повлекло за собой, под видом защиты «родной земли», «торжества народа», тесное сотрудничество хозяев и рабочих организаций.

Несмотря на все усилия революционных синдикалистов, оказалось невозможным окончатель-

тики. Ведь, если Троцкий и ему подобные, несмотря на провозглашение необходимости внутрипартийной демократии, сидят за критику по отдаленным ссылкам, то что станет с рабочим, который осмелится критиковать у себя на фабрике, в завкоме или союзе. Из приведенных раньше примеров из Раб. Газ. и Труда мы видели, что за критику рабочий прежде всего теряет работу, а там и ГПУ недалеко...

⁂

Прошло 4-5 месяцев со времени опубликования манифеста о самокритике — срок достаточный, чтоб вывести некоторые результаты. Развертываем «Труд» от 18 сентября и читаем:

«Критикуя производственные и иные недочеты, большинство рабочих требует гарантии, что после горячих речей их не уволят с работы. За примерами недалеко ходить».

«В саратовском трамвайном парке **уволили** рабочего, выступившего с обвинением администрации в безхозяйственности. Оффициальный повод более чем странен — «грубость этого человека»...

«Некоторые рабочие на общих собраниях своих предприятий предпочитают говорить о недочетах на **соседних** предприятиях. Так, мол, безопаснее, тогда тебя никто не тронет. Рискованно вызывать гнев мастеров и администраторов. Ведь они потом к каждой мелочи будут придираться».

«— Самокритика, как волна, уже схлынула и ничего не осталось. За самокритику продолжають зачислять в бузотеры, а месяца через 3-4 и вовсе уберут с производства».

А в «Труде» от 1 сентября 1928 г. мы находим сведения о Луганске, где главный бухгалтер больницы Коломниев, обнаружив злоупотребления со стороны завхоза, заявляет об этом на производственном совещании больницы. Затем он по этому же поводу обращается в ВКП и в союз. Никто не обращает внимания на его заявления. [illegible] снятия [illegible] и [illegible] председат. союза, Коломниеву удалось добиться комиссии, которая установила правильность заявлений Коломниева и уволила завхоза. И вот дальше, говорит «Труд»: «проходит несколько дней после всей этой истории, как Коломниева вызывают к следователю, который об'являет ему, что он, Коломниев, привлекается к судебной ответственности... за пособничество в расхищении больничных сумм, неправильное ведение счетоводства и т. д. А, спустя день-два Коломниева даже арестовывают».

Таковы результаты самокритики...

Мы видим, таким образом, что манифест ВКП, призывая рабочих к самокритике, не дал **никакой гарантии** для возоможности ее проведения и тем еще раз старался обмануть и обойти рабочий класс.

Создать независимые от государства классовые профсоюзы и через них добиться свободного рабочего слова и печати, и контроля над жизнью страны — есть насущная необходимость для русского пролетариата. Он этого добьется помимо лицемерных призывов его классовых врагов.

Товарищи шахтеры из Донбасса!

Что у вас на шахтах изменилось после шахтинского дела?

Достаточно ли было перестрелять этих паразитов? Какие меры приняты, чтобы места этих вредителей не заняли такие же саботажники?

ПИСЬМО из РОССИИ

От редакции. Приведенное нами ниже письмо, написано товарищем, очень известным в рабочем движении, пользующимся уважением даже у своих политических противников; не желая подвергнуть его тайной административной расправе ГПУ, мы вынуждены скрыть его подпись.

Из за недостатка места мы даем в этом номере лишь выдержку, относящуюся к рабочей жизни. В следующем номере мы дадим остальную часть письма.

⁂

«Строительные рабочие, тесно связанные с деревней, несколько месяцев назад разгромили одну из Бирж Труда в Москве; избили несколько бюрократов, встретили градом камней конную милицию, которая ответила нагайками, как казаки при старом режиме. Эти рабочие смогли оценить по достоинству заботливость «рабоче-крестьянского» правительства: ругань чиновников, ночи, проведенные на улицах и площадях с мешком инструментов под головой, вместо подушки, бесконечные и напрасные очереди перед окошечком, бесчисленные оскорбления. Последнее происшествие, последовавшее за многими другими, было однако гораздо серьезнее; были раненые, [illegible] Красного Креста; [illegible] Газеты не [illegible]. В следующие дни появилось лишь несколько статей о необходимости улучшить работу Бирж Труда.

Будто бы на заводах за последние три месяца понизилась производительность труда. «Правда» забила обычную тревогу: заработки повышаются быстрее чем личная производительность. Это привычная подготовка к понижению заработной платы, путем повышения норм, понижения расценок, и т. д. На самом деле, от рабочих требуют работы каждый день более быстрой, более истощающей, чтобы пополнить недостатки оборудования. К ним применяют все более строгую дисциплину: правилам внутреннего распорядка русского завода могли бы позавидовать многие буржуи - хозяева. Рабочих мало по малу лишают последних гарантий, которые у них оставались. Повсюду сдельная работа; расценки устанавливаются на практике уже не «тарифно - нормировочным бюро», а мастером, прием на работу и увольнение зависят уже не от заводского комитета, а от администрации, от мастера. Если от вас хотят отделаться, то достаточно вам сделать три «предупреждения» за месяц и вы не имеете больше никакого права жаловаться. Если мастер умеет заставить уважать интересы рабочих, то его самого преследуют; стенная газета (редактируемая и проверяемая коммунистической ячейкой) назовет его махновцем. Ко всем этим фактам я мог бы добавить имена.

Я давно не читал статистики бюджетного набора. Но все чувствуют, что жизнь сильно вздорожала. Вздорожание это между прочим происходит и по вине государства, которое разными фокусами за два года подняло [illegible] железнодорожные билеты на 40-50 проц., пересылку писем на 30 проц. (7 коп., затем 8, и теперь 10 коп.), и квартирную плату, приблизительно, на столько же. Это последнее мероприятие вызвало столько недовольства, что, хотя оно было решено уже

во выпрямить Всеобщую Конфедерацию Труда (В. К. Т.); она продолжает в период мира сотрудничество, начатое во время войны.

2. Русская революция в феврале, и в особенности в октябре окрылила надежды французских синдикалистов, оставшихся верными своим убеждениям; венгерская и немецкая революции, мир, развитие русской революции, сильно их ободрили.

Вскоре затем в Лионе, в 1919 г., они подняли голову; в 1920 г. на с'езде в Орлеане они удвоили число своих сторонников, несмотря на поражение всеобщей майской стачки; на Лильском с'езде в 1921 г. они стали грозной опасностью для большинства.

Но точно также, как и все великие политические революции, русская революция принесла главным образом с собой, через посредство Коммунистической Партии, которая подчинила ее себе, скорее новые методы **управления людьми**, чем новые формы общественного устройства.

Ее успех позволил ей завоевать очень быстро значительное влияние заграницей. Во Франции, стране многочисленных политических революций, влияние это сказалось особенно заметным.

Русская коммунистическая партия спешила завоевать себе союзников повсюду, так как в ее глазах окончательное торжество русской революции могло быть обеспечено (и в этом отношении она была совершенно права), лишь взрывом, если не мировой, то по крайней мере европейской революции; многие признаки в то время говорили о скорой возможности таковой; русская коммунистическая партия искала опорных точек; она хотела иметь во всех странах силы **действующие** по ее общему плану, согласно ее методам и приказам.

И поэтому, ей надо было подчинить себе или разбить все силы, действовавшие в рабочей среде.

Во Франции, В. К. Т. большинством своих членов, и значительное меньшинство в социалистической партии отказались подчиниться московским указам. Коммунистическая партия разбила профсоюзное об'единение и расколола социалистическую партию. Из последней образовались две группы на Турском с'езде в 1920 г.; В. К. Т. же разделилась на Лильском с'езде в 1921 г.

Тогда, согласно постановлениям II-ого Конгресса Коминтерна и 1-го Конгресса Профинтерна, французская коммунистическая партия выказала намерение **поработить** Унитарную Всеобщую Конфедерацию Труда, то есть новое об'единение профсоюзов, основанное революционными синдикалистами всех направлений, после разрыва с реформистами. Провести это дело однако не удалось партии сразу: она повела сперва в своей газете «Юманитэ» гнуснейшую кампанию против анархо - синдикалистов и анархистов, составлявших большинство временного исполнительного комитета нового об'единения. Партия захватила руководство на первом с'езде в Сент-Этьене в июле 1922 г.

Буржский с'езд в ноябре 1923 упрочил ее мощь; после 2-го Конгресса Коминтерна полное порабощение профсоюзов было окончательно закреплено. Здесь же наметилась исходная точка нового раскола и образования третьего по счету об'единения Всеобщей Конфедерации Труда. Синдикалистов Революционеров.

Убийство некоторых наших товарищей в помещении Парижских профсоюзов было причиной окончательного разрыва.

Начиная с этого времени профсоюзное движение разбито на три **организации,** соответстующие трем **мировоззрениям:** Всеобщая Конфедерация Труда, Унитарная Всеобщая Конфедерация Труда и Федеративное Об'единение Самостоятельных Профсоюзов во Франции. В это последнее входили все ушедшие из Унитарной Конфедерации, которые не хотели однако создавать третьей Конфедерации, надеясь на восстановление единства, которого достигнуть не удалось.

Первая Конфедерация все дальше и дальше уходила от классовой борьбы, и погружалась в подлое сотрудничество с буржуазией и государством; вторая Конфедерация окончательно забыла о независимости профсоюзов и стала простым придатком Коммунистической Партии; интересно отметить, что такое поведение противоречит мнению даже Карла Маркса, заявившего на Женевском с'езде в 1866 г., что профсоюзы не должны никогда становиться приложением к какой бы то ни было политической партии.

Таким образом, можно с полной уверенностью сказать, что обе Конфедерации отреклись от прежнего синдикализма.

Тогда, чтобы не дать погибнуть этому учению, ценность которого возрастала при свете русских событий, революционные синдикалисты, в течение двух лет ожидавшие восстановления единства во временной организации, предназначенной только для сохранения связи, создали наконец в ноябре 1926 г. в Лионе Всеобщую Конфедерацию Труда Синдикалистов Революционеров,

несколько месяцев тому назад, но его проведение в жизнь в Москве задерживается до сих пор. В то же самое время поспешно отменяют бесплатные квартиры, которые некоторые заводы предоставляют своим рабочим: они получают вознаграждение равное теперешней квартирной плате; поэтому необходимо закончить эту операцию до нового повышения, чтобы вся тяжесть прибавки пала на рабочих. Государство - Хозяин проделывает такие фокусы! Рабочий опять стал отверженным в городском обществе: все, что делают для него, оказывается низшего качества. Новые дома, перед которыми тает сердце господина Кашэна, плохо построены, из скверных материалов и становятся вскоре нежилыми (газеты пестрят жалобами по этому поводу); да к тому же дома эти доступны только хорошо зарабатывающим рабочим; даже многие из них вынуждены брать к себе жильцов, что вновь приводит к скученности, бывшей в старых лачугах; наконец, эти новые дома числятся не тысячами, а сотнями; так что они не смягчают кризиса. Статистика признает, что если в каком нибудь городе жилая площадь для служащего 8-9 квадратных метра, то для рабочего она 6-7 кв. метров. Только написав эти строчки, я прочел в «Правде» 21 августа: «В. Ц. С. П. С. и Наркомтруд указывают, что необходимо улучшить в первую очередь жилища на Урале, в Иваново - Вознесенске, в Кузбассе и на Дальнем Востоке, где каждый рабочий располагает лишь 3-4,5 кв. метрами». И после этого меня упрекнут, что я вижу все в мрачном свете. В рабочих кооперативах легко установить, что рабочий обслуживается хуже; сам Бухарин жаловался на это; ничто с тех пор не изменилось. Если после тысячи хлопот вы хотите использовать талон по рабочему кредиту, то вам надо обратиться в особые магазины, где вы найдете лишь отбросы. На главных улицах испытывают мостовую лучшего качества; густо же населенные окраины до сих пор не имеют ни дорог ни тротуара. Я называю первые приходящие мне [illegible] факты, [illegible] как мало значит рабочий в повседневной жизни [illegible] государства.

Паразит, для которого работают рабочий и крестьянин, это бюрократия поглощающая 2 миллиарда из 5, составляющих весь бюджет. У ней тоже есть своя верхушка и своя чернь. Низший служащий еще гораздо более запуган чем рабочий; ему вечно грозит увольнение; он никогда не уверен, что его к завтрашнему дню не выбросят на улицу; он не имеет никакой серьезной возможности протестовать, так как местком еще более беспомощен в учреждениях, чем на заводе, еще более рабски подчинен начальству. Простой служащий, с заработной платой, которая чаще еще ниже, чем у рабочего, обречен на всю жестокость драконовских правил. На него навaливают убийственно скучную работу, даже не удостаивая его об'яснением, чему эта работа послужит. «Ответственный» сотрудник пользуется полной свободой, не признает никаких правил, ездит по командировкам, получает авансы, командировочные, особую оплату за присутствие на заседаниях различных комиссий; он может, если хочет, проводить целые часы в своей конторе, читая газеты, выпивая неимоверное число стаканов чая и куря сигары: он **думает!** Но самое важное не это, а то, что эта администрация в самой своей работе гнила и неспособна. В целом ряде комиссий, точно установили всякого рода планы для постройки заводов и домов; когда наступил строительный сезон, начали строить; но вдруг через несколько недель не хватает кирпичей; весь план разбит; надо прервать некоторые работы, уволить рабочих и т. д. Разве трудно было предвидеть этот кризис, ускорить кирпичное производство в размерах, соответствующих потребностям. Подобные «ошибочки» повторяются каждый год.

Власть скажет: верно, но ведь мы как раз выбросили лозунг «самокритики». Разоблачайте злоупотребления, взяточничество, разгильдяйство, бесхозяйственность; заявляйте о них без боязни в печать, в контрольные комиссии коммунистической партии, прокурорам, Рабоче-Крестьянской Инспекции; все будет исправлено, а виновные понесут наказание. Действительно за последнее время можно было читать в газетах невероятные, [illegible] факты; достаточно было заговорить [illegible] контрреволюционером, можно было наблюдать как «прорвались гнойники», отравлявшие целые губернии, можно было видеть, как в некоторых местах разгоняли целые партийные комитеты, целые правления профсоюзов, целые исполнительные комитеты Советов, члены которых разложились от первого до последнего. Все это очень хорошо. Царское правительство, тоже в свое время чистило так свою администрацию: в 1910 г., например, оно должно было после сенаторской инспекции, сменить весь персонал, управлявший Киевской губернией, начиная с губернатора и кончая городовыми.

Кроме того, оно великодушно разрешало печати разоблачать злоупотребления и панамы. А затем все успокаивалось и шло по старому. Точно также, Сталин нашел нужным наметить границы самокритике: стоило «Комсомольской Правде» приняться за председателя В. Ц. С. П. С., и немедленно Томский об'яснил, что критика должна быть «организована». Вся эта громкая кампания — лишь отвод глаз: она нисколько не помешает в будущем заместителям чиновников временно переведенных, уволенных или даже приговоренных, вновь пойти по следам их предшественников. Ибо сегодня, как и вчера, внизу, в массе, нет средства воздействия на власть, пока нет контроля, нет печати, кроме казенной. Скандалы, разоблаченные за последние месяцы, потому, что правительство нашло полезным говорить о них, развивались в течение нескольких лет; на местах все о них знали; сотни жалоб были посланы в центр, в суд, в печать, без результатов или наоборот, дело кончалось преследованием жалобщиков. И вновь будет так, и не может быть иначе в строе, в котором все основано на полном подчинении власти. Самокритика на самом деле означает критику бюрократии, проведенную ей же самой, то есть, безопасную для нее.

Это полное совпадение между мыслью и делом, требуемое Государством, являющимся одновременно единственным хозяином, имеющим даже свою собственную и принудительную, государственную философию и религию, желающим безраздельно царить над телами, умами и душами приводит в действительности к [illegible] идей [illegible]. Молодежь идет в Комсомол, чтобы иметь право учиться; рабочие идут в партию, чтобы [illegible] от безработицы или бросить станок и начать карьеру. Крайне [illegible] настроенные профессора и преподаватели нагромождают в своих лекциях и книгах марксистские и ленинские формулы (это очень легко), чтобы удержать кафедру, чтобы труды их

которая примкнула к Международному Товариществу Рабочих, основанному в Берлине и связывавшему уже другие об'единения Европы и Южной Америки.

Эта организация старается, как было сказано в начале этой статьи, вернуть силу и мощь рабочим союзам, вернуться к классовой борьбе и прямому действию.

3. Крушение Венгерской революции, захват власти социал-демократами в Германии, трагический конец борьбы за захват заводов в Италии в 1920 г., военные и гражданские перевороты в Португалии, в Испании, в Балканских странах, зарождение фашизма и его торжество в Италии, все эти события имели во Франции огромный отклик.

Пока реформисты сближались с правительством до того, что они сливались с ним, пока социалистическая партия, восстановленная, могучая, управляла совместно с радикальной партией, под прикрытием левого блока, Унитарная Конфедерация и Коммунистическая Партия использовали направленные против них правительственные преследования, чтобы раздуть свое значение и притянуть все силы, борющиеся против французской и международной реакции.

Наши союзы были почти беспомощны, стиснутые между этими двумя крупными течениями, которые к тому же использовали лозунг «Единства»; они очень хорошо знали, что в то время оно было неосуществимо; да к тому же эти оба течения не желали его осуществления.

Фашизм толкнул здесь реформистов в об'ятия власти; они считают что это единственный способ спастись; в ближайшем будущем мы увидим, действительно ли это был «спас[illegible]ый» жест, как они утверждают.

Тот же фашизм косвенно подкрепил течение, стоящее за коммунистическую диктатуру; в действительности партия коммунистов противопоставляет не класс классу, как она утверждает, а диктатуру диктатуре. Этот аргумент, которым она искусно пользуется встречает несомненное доверие, которое будет трудно потрясти.

4. Сейчас Всеобщая Конфедерация Труда Синдикалистов Революционеров пытается выполнить работу, которую должна была бы сделать еще прежняя Конфедерация: **рационализацию своего внутреннего устройства, то есть, проще говоря,** перестройку наших союзов на более разумных и деловых основах.

Если бы в свое время прежняя Конфедерация сумела построить разумно свои звенья, по мере того, как капитализм развивался, то по окончанию войны, она смогла бы выпрямиться вполне победоносно.

Полная перемена в ее поведении и программе лишь одно из следствий ее неуменья развиваться, перестраиваться. Вот откуда идет ее беспомощность, ее вечное сползанье, ее отход от первоначальной цели.

Всеобщая Конфедерация Труда Синдикалистов Революционеров предприняла эту работу по **рационализации синдикализма.** Она однако достигнет полностью цели лишь если ей в этой области в других странах будет оказана поддержка Международным Товариществом Рабочих.

Это самая насущная задача.

Французские революционные синдикалисты продолжают думать, что основой экономического движения остается **профсоюз.** Завкомы и Советы, как узкие и неполные звенья должны быть **подчинены** производственному союзу; они должны быть лишь выполнителями его воли.

Наш федерализм в действии и в организации предусматривает постоянный и полный оборот отношений, идущий снизу до верху и сверху до низу, начиная от личности и кончая Всеобщей Конфедерацией Труда и возвращая от Конфедерации, чтобы прийти к личности через все промежуточные звенья: Цеховый Совет, Заводский Комитет, Производственный Союз, Местные Об'единения Союзов, Краевое Об'единение Союзов, Промышленные Федерации, Всеобщая Конфедерация.

Таким образом, либо непосредственно, либо через **постоянный контроль,** рабочий всегда все решает в своих классовых организациях.

Всеобщая Конфедерация Труда Синдикалистов Революционеров, надеется, несмотря на все встречаемые трудности, провести свои мысли в жизнь во Франции. Учение, которое она защищает, пробьется повсюду. Заканчивая этот очерк, который слишком краток, чтобы быть полным и ясным, желаю рабочей России, избавившись от коммунистической партии, опирающейся на безответственное ГПУ, первой применить в действительности наше учение.

Пьер Бенар.

Товарищи рабочие! Есть ли в России диктатура пролетариата? Вы ли управляете производством? Вы ли проверяете хозяйственников? Вводятся ли в жизнь ваши производственные предложения?

были напечатаны, чтобы иметь повышение. Офицеры ничуть в душе не примкнувшие к новому строю, говорят лишь о революции и мировом пролетариате. Троцкисты без колебания голосуют за любую резолюцию, если от них этого требуют. Когда у одного молодого рабочего спросили одобряет ли он оппозицию за то, что она требует повышения заработной платы, он поспешно ответил «нет»! Когда у другого иностранный делегат спросил, достаточно ли ему 40 рублей в месяц, он немедленно сказал: «да»! Частники на видном месте вывешивают портреты Ленина, Рыкова, Сталина. Верующие учителя, под угрозой увольнения, принуждены читать антирелигиозные курсы.

Заключенные должны об'являть знатным иностранцам, которые их посещают, что они раскаиваются, и что они более счастливы за решеткой, чем на свободе. Литература, живопись, философия, история, педагогика, журнализм, театр, музыка, извращены, проникнуты ложью вынужденной ложью, ложью, без которой жизнь стала почти невозможной.

Под этим однообразным, «марксистским», «пролетарским», «революционным» покровом сколько прячется антисоциалистических убеждений, буржуазного духа, антисемитской ненависти, жажды реакции, готовых выявить себя при первом удобном случае: страшно подумать. Как могут правящие опираться на единогласие достигнутое такими приемами? Они сами уничтожили всякую возможность знать, кто с ними и кто против них. Это в своем роде их постоянное неизбежное наказание.

Вот до чего мы дошли? Где же выход? Кому верить, с кем искать спасения? Политбюро, сосредоточивающее всю власть в своих руках разделено на две группы: Сталин пытается как можно больше сохранить «революционную» внешность; он делает уступки тезисам опозиции, но когда он стоит перед тупиком, он прислушивается к советам Рыкова и Калинина, которые намечают более реальное направление. Отсюда ряд поворотов руля то вправо, то влево, ряд зигзагов, чтобы избежать встречающиеся рифы, но это не цельная политика. Троцкисты отмечают это противоречие; они демагогически его используют, так как их агитация настолько же проникнута ложью и бесчестностью, как и у правящей фракции; но они столь же беспомощны: меры, принятые против крестьянства, которые так печально промахнулись, были какъ раз предложены ими. Они пытаются об'яснить их неудачу тем, что к ним прибегли слишком поздно и что их скверно применяли... Но они не смеют более требовать, чтобы к ним вновь прибегнули.

В действительности же огосударствленная революция умерла или почти что мертва. Остается еще одна возможность, с каждым днем все более исчезающая, ее вернуть к жизни: вернуть свободу ее создателям, трудящимся.

Но годами под влиянием государственного социализма или капитализма жизнь загоняет самым основательным образом в буржуазную колею. Реалисты больше не думают о социальной революции, а подчиняются естественной эволюции. Остальные, пытаясь сохранить дольше какие-то революционные видимости или пережитки, лишь напрасно мешают нормальному ходу событий. Слишком поздно выясняется, что дорога, по которой пошли сначала, приводит в тупикъ.

Стачечное движение в России

Вести о стачках в России, доходящие до нас, кратки и неполны. Но даже эти первые проблески рабочего сопротивления, несмотря на их скромность, знаменательны.

Отмеченная нами забастовка на шахте Артем заслуживает внимания, хотя бы потому, что она была одним из событий, заставивших позже русское правительство вскрыть Донбассовский гнойник.

Впервые заговорила о ней в официальной печати «Правда» от 5-9-28, приводя рассказ шахтера коммуниста Федюкова:

«Когда я прибыл сюда в 1925 г., говорит Федюков, идя за мной по таинственным комнатам (разговор происходил на бывшей квартире Калганова, одного из Шахтинских героев. **(Примечание редакции)** я как будто попал в другую страну.

Не то, думаю, здесь советская власть, не то ее нет...

Запах контрреволюционный бил нам в нос и в голову, но следов мы не находили. И понять по настоящему, что делается, было невозможно, признает Федюков. Мы только и видали, как спецовские дамы выезжали отсюда на конторских лошадях. Кони, понимаешь, красавцы, дамы разодетые, кругом степь да сады. А в кабинетах мужья ихние строчат бумаги: как до них с шахтерского кутка доберешься?!. Чуем мы только на пласту, что какая-то темная сила ломает нам ребра. А начнешь бывало говорить от сердца, тебе сейчас же затыкают рот. Как что-нибудь укажешь, как подымешь повыше голос, тебя и за хвост и за гриву...

—Ударили по нас, по артемовцам, вредители сразу. Вывесили они в шахте новый колдоговор, который нигде на собраниях не обсуждался. Там были незаконно урезаны ставки и вдвое повышены нормы. Этот колдоговор обрушился на нас, как снег на голову. Наша шахта «Артем» ответила забастовкой. Я был выдвинут в стачечный комитет от шахтовой ячейки. Дело было ранней весной. Управляющий Шейкин и главный инженер Кузьма накануне уехали верхом на прогулку. Они любовались вместе с дамами ледоходом на Донце. Шахткому дело это ударило в башку: он испугался, что мы доведем до центра. И шахтком, обернувшись соловьем, запел слаще сладкого. Он выручил вредителей и подписал такую хитрость. Оставить прошлогодние нормы для старых шахтеров, а вновь пришлым работать по новому колдоговору. С тем пор и пошла «кутерьма», которая тянулась 11 месяцев. Одни шахтеры получали 3 р. 15 с упряжки, а рядом на той же работе люди пришедшие позже, получали 1р. 80 к. Сколько было в забоях матерщины, драк, вражды! Товарищ пошел на товарища, брат на брата, сват на свата, сын на отца.

Шахта ходила ходуном, шахта сходила с ума. Техников и десятников собирались бить. Шахткому дали блудное имя, райкому тоже.... И никто никак не мог понять, что здесь делается такое, пока все сразу не раскрылось».

Конфликты, описанные в «Труде» от 24-8-28, произошли в Артемовском округе (бывшем Бахмутском) и таким образом показывают, как мало изменилось положение со времени столь нашумевшего Шахтинского дела.

«На предприятиях Укрсиликаттреста в течение многих месяцев не выдавалась спецодежда. **Рабочие были вынуждены поставить вопрос в категорической форме с угрозой прекратить работу».** (Курсив наш. Ред О. П.).

«Не лучше обстоит дело на карьерах и на доломитном заводе Югостали.

Там был раз такой случай. Вздумалось администарции установить новые расценки. Да только позабыла она, что существует союз, с которым необходимо согласовать их. К тому же не выдали спецодежды рабочим на мокрых местах. **В результате 12 человек не вышли на работу.** (Курсив наш. Ред. О. П.).

Не раз происходили конфликты на почве неправильного снятия с работы, невыплаты в двойном размере за сверхурочную работу и за работу в праздничные дни и т. п.

«... Многие союзы передавали дела за нарушение колдоговора в трудсуд, инспектору труда, прокуратуре. Но большинство союзов обратилось в судебные инстанции после того, как вышестоящие профорганизации ОСПС, ВУК и т. д. предложили им сделать это. Иногда же под давлением рабочих, которые в иных случаях даже ставили вопрос: **«если вы, мол, этого не сделаете, так мы и с работы уйдем»** (курсив наш. Ред О. П.), профорганизации вспоминали, что трудовые суды все-таки существуют».

Но особенно отраден факт, отмеченный в «Труде» от 7-10-28, указывающий на рабочих возмущенных отменой рабочего контроля.

«На Краматорском заводе, например, был серьезный конфликт из-за того, что начальник цеха с демонстративной пренебрежительностью относился к производственным совещаниям».

ПО РОССИИ

1-9-28. Русское правительство присоединяется к пакту Келлога, к договору империалистов, не запросив по этому поводу мнения организованного пролетариата; вчера за протест против договора парижская полиция избивала рабочих.

2-9-28. В ответ на просьбу рабочих Ковровского завода, просивших привести в жилое состояние их бараки, не ремонтировавшиеся с 1920 года, администрация ответила распоряжением ремонтировать квартиры высших служащих.

3-9-28. Профсоюзы Украины обнародовали сравнительные данные о пьянстве в 1925-1927 году; установлено, что расходы на потребление спирта увелилились въ полтора раза, в то время ка кзатраты на поддержук здоровья уменьшились в 8 раз.

5-9-28. По сведениям ЦК союза химиков стекольные заводы Нижегородской губернии «Красная Звезда», «Воровский» и «Революционер» уже несколько месяцев не выплачивают заработной платы.

7-9-28. Обследование ЦК металлистов установило, что в декабре квалифицированные рабочие зарабатывали в 4,6 раз больше других; в мае разрыв еще увеличился, они стали зарабатывать в 5 раз больше.

8-9-28. Шахтеры с рудников Первомайского завода Нижегородской губернии сообщают, что их рабочий день достигает 12-13 часов в сутки.

11-9-28. ЦК союзу учителей сообщают из Адыгейской области, что из 100 педагогов, числящихся в районе, половина подверглась увольнению и переброскам.

12-29-28. В мячечной мастерской Ленинградского завода «Красный Треугольник» произошло массовое отравление; пострадало 30 работниц, из которых 4 тяжело: недостаточная вентиляция; работницы не раз жаловались на головную боль.

16-9-28. Уханов, председатель московского совета, заявил на заседании президиума, что исключительно скверным хлебом снабжаются рабочие районы.

18-9-28. После года волокиты, закончилось дело 135 зарубщиков, обсчитанных на 16.000 рублей, красно-донецким рудоправлением; суд удовлетворил рабочих, постановил прекратить дело за давностью.

20-9-28. В Артемовске (центре Донбаса) несмотря на продолжающийся рост несчастных случаев, использовано лишь 49 проц. средств, выданных на охрану труда.

22-9-28. В Твери Губпрофсовет и губотдел текстилей неоднократно протестовали против обысков рабочих на фабрике «Пролетарка»; реальных результатов они не добились. Вопрос перенесен в губисполком.

23-9-28. На енакиевском заводе имени Рыкова (Донбас), несмотря на то, что колдоговор запрещен, наем временных рабочих на постоянные работы, целый ряд безработных за одно лето побывало временными уже раза три.

27-9-28. Несмотря на постановление санитарной подсекции Хамовнического района о недопустимости торговли спиртом в кооперативах, районный здравотдел разрешил открытие ряда винных лавок.

28-9-28. Предполагается отдать иностранным капиталистам в концессию трамвай, газовые заводы, электростанции в 60 главных городах России.

30-9-28. На пленуме ЦК железнодорожников выяснилось, что на Пермской железной дороге нет ни одного пункта в колдоговоре, который бы не нарушался.

От редакции. В силу особых условий работы в России и с целью придать наиболее коллективный характер нашей работе, за каждую статью в отдельности и за весь номер отвечает полностью весь коллектив, совместно редактирующий этот орган.

Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange
Le Gérant : RAFIN